

ТЕМА ХОЛОКОСТА В ПРОГРАММАХ ФЕСТИВАЛЕЙ ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОСТ»

Людмила Лейбман

Часть первая: вначале было ... создание проекта «Образовательный мост»

Идея создания проекта «Образовательный мост» появилась, когда мне предложили работу на кафедре теории музыки в Бостонском Университете. После трёх-четырёх семестров преподавания я поняла, что жизненные обстоятельства сложились на редкость удачно: мне довелось быть и студенткой и педагогом в двух престижных ВУЗах - Петербургской Консерватории и Бостонском Университете. Имея опыт обучения и преподавания в двух странах, я могла сравнить две системы музыкального образования и организовать встречи их представителей для обмена опытом.

Предложение устроить фестиваль, программа которого будет включать концерты из произведений петербургских и бостонских композиторов, мастер-классы для студентов и аспирантов местных ВУЗов и дискуссии, посвященные состоянию современной музыки, поддержали в Бостонском Университете. Осенью 1997 г. прошёл первый фестиваль проекта «Образовательный мост», на котором присутствовали два ведущих профессора композиции Санкт-Петербургской Консерватории, Борис Иванович Тищенко и Александр Дереникович Мнацаканян, оба в прошлом ученики Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

И Тищенко, и Мнацаканян знали меня по Ленинградской (теперь – Санкт-Петербургской) Консерватории. Александр Дереникович был деканом теоретико-композиторского факультета и подписывал мою зачётную книжку, так что все договоренности проходили, как говорится, в атмосфере полного взаимопонимания. Каким-то чудом удалось найти средства для приезда гостей на фестиваль. Это действительно было чудо, так как я в то время не имела никакого понятия о финансовой стороне вопроса и, честно говоря, думала, что если Бостонский университет заинтересован в приезде гостей из-за рубежа, то университет всё и оплатит. Наивно, конечно, но каким-то образом действительно удалось добыть средства и на визы, и на билеты, и на проживание гостей фестиваля. Мне посоветовали связаться с другими учебными заведениями города, которые включились в организацию фестиваля и оказали финансовую поддержку. А мы, в свою очередь, расширили базу «Образовательного моста», и уже на первом фестивале осенью 1997 г. к Бостонскому университету присоединился Тафтский университет, Бостонская консерватория, школа Лонжи и Консерватория Новой Англии.

Важнейшим уроком первого фестиваля проекта «Образовательный мост» было осознание того, что люди разных профессий и разного возраста, приехавшие в Америку и родившиеся здесь, готовы помочь в организации фестивальных событий – концертов, презентаций, дискуссий, а также рады встретить гостей в аэропорту, обеспечить их передвижение по городу, показать любимые места Новой Англии, пригласить в гости и накормить обедом. Только благодаря помощи таких людей, которых называют непривычным для меня в этом контексте словом «волонтеры», проект смог встать на ноги, и фестивали могли продолжаться. Я называю этих людей «друзьями проекта» и искренне благодарна им за многолетнюю поддержку и помощь. Таких друзей много, среди них нельзя не назвать почётного Президента Университета д-ра Силбера, ассистентов президента Крэйга Клафтера и Кевина Карлтона, скрипача Романа Тотенберга и альтиста Рафаэля Хильера, композиторов Марджори Мерриман и Чарльза Фасселла, заведующего кафедрой истории музыки Джона Даверио (все – из Бостонского университета), пианистку Татьяну Дудочкину (Консерватория Новой Англии), композитора Джона МакДональда (Тафтский университет), Виктора Розенбаума (Директор музыкальной школы Лонжи),

представителей армянской музыкальной общины, композиторов Диану Гулькасян-Раби и Хайга Бойяджана. В списке друзей проекта несколько сотен человек, он постоянно пополняется новыми именами - и тех, кто участвует в фестивалях по обе стороны океана, и тех, кто помогает в их организации и проведении.

Интересно, что тот опыт, который был накоплен при подготовке самого первого фестиваля в 1997 г., оказался чрезвычайно полезным, а формат фестиваля, который выстроился тогда, сохраняется до сих пор. Тем не менее, одна из важнейших, как теперь говорят в России «знаковых», тем проекта появилась в программах фестивалей не сразу. Тема эта – Холокост.

Часть вторая: как связать музыку и Холокост

При выборе темы будущей диссертации я ощутила внутреннюю потребность посвятить своё исследование Холокосту. Мне хотелось написать работу, посвящённую музыкальным произведениям, отражающим эту трагедию, и понять причины, по которым те или иные композиторы обращались к этой теме. Для меня было важно, чтобы моя диссертация, написанная в Америке, была связана с трагическими аспектами еврейской жизни, включая антисемитизм, который мне пришлось пережить самой и который побудил нашу семью к эмиграции.

В моей жизни, как, наверное, и в жизни каждого эмигранта, была та самая поворотная точка, после которой решение покинуть страну становится окончательным и все остальное отступает на второй план: город, который ты любишь, ВУЗ, где ты учился, друзья, с которыми вряд ли увидишься, и кладбище, где похоронены бабушка с дедушкой. События конца 80-х – начала 90-х годов, когда в Ленинграде в Румянцевском садике около Академии Художеств открыто проходили собрания националистско-фашистского общества «Память», поразили меня истовостью его участников, свастикой на их нарукавных повязках и инертностью наблюдавших за ними милиционеров. Потом выяснилось, что член общества «Память» есть и в ректорате Ленинградской Консерватории, где я училась и преподавала, и поэтому я не особенно удивилась, когда над входом в Консерваторию однажды появился плакат, точную формулировку которого я не помню, но смысл его был в том, что русским студентам Консерватории должны преподавать русские педагоги, а не евреи.

Выбор темы для диссертации был моим ответом на вопрос, почему мы эмигрировали, и данью тем родным со стороны и отца и матери, которых убили в 1941 г. в белорусских сёлах. Название диссертации «Включение музыки в преподавание Холокоста» (“Teaching the Holocaust Through Music”) предполагало и теоретическую разработку стратегии преподавания, и практическое применение предлагаемых методов.

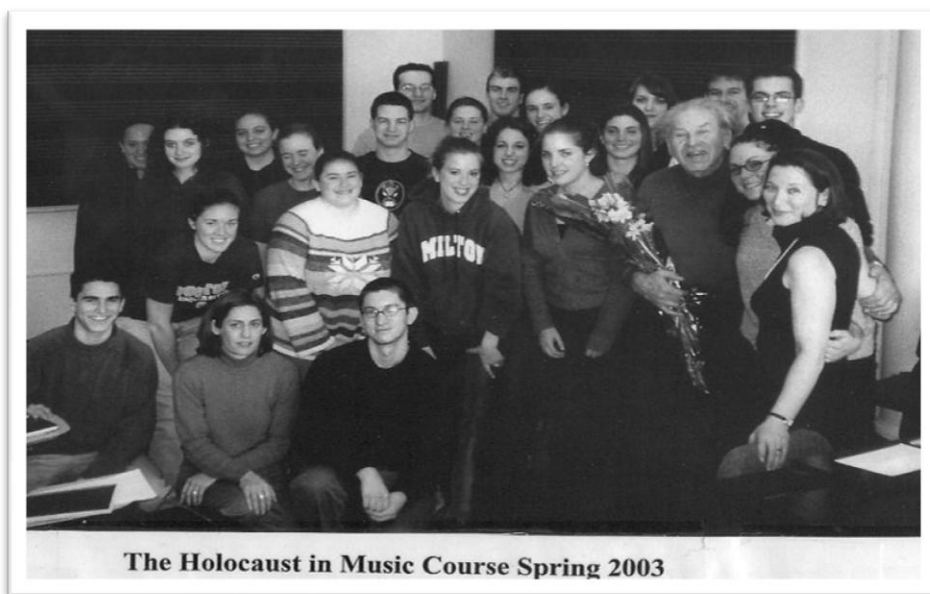
Вскоре после защиты диссертации я разработала курс, основанный на её материале, который и начала преподавать в дополнение к курсам по теории музыки. Надо сказать, что в 2001 г. это был первый в истории высшего образования США курс, посвящённый музыке, отражающей трагедию Холокоста. Преподавать его было чрезвычайно интересно по многим причинам. Во-первых, в отличие от музыкально-теоретических курсов, которые мне довелось преподавать в России и Америке ранее, курс под названием «Холокост и музыка» не входил в число обязательных, и поэтому само существование этого курса зависело от того, запишутся ли на него студенты. Как оказалось, беспокоиться по этому поводу было не нужно - каждый раз число студентов превышало 20 человек - то количество, которое было определено руководством факультета. Во-вторых, выбор «необязательных» курсов - это дело самих студентов, которые, как правило, полагаются в этих случаях на отзывы тех, кто эти курсы посещал и рассказал о них на всемогущем интернете. Мои классы по теории музыки были известны среди студентов тем, что

профессор - строгая и что у неё надо заниматься всерьёз, а иначе не сдашь ни зачёты, ни экзамены (см. *Rate My Professors.com*).

Для меня как педагога, предлагающего новый курс, некоторая сложность заключалась в том, что на него могли записаться студенты любого факультета Бостонского университета - и те, кто выбрал музыку своей профессией и уже учился у меня в теоретических классах, и те, от которых никакой предварительной музыкальной подготовки не требовалось и которые понятия не имели, что такое си бемоль. То есть, в 2001 году я вошла в аудиторию, где впервые в моей преподавательской практике передо мной сидели не только будущие музыканты, но и будущие врачи, адвокаты и инженеры. В связи с этим обстоятельством возникали и новые методические вопросы: в частности, как построить курс, чтобы всем студентам было одинаково интересно, какой спектр заданий разработать, чтобы никто не чувствовал, что ему труднее выполнять их, чем другим.

Три раздела курса охватывали несколько тем:

- История еврейской культурной ассоциации «Культурбунд» в Германии, 1933-1941.
- Музыкальные события, имевшие место в гетто и концентрационных лагерях Европы, 1939-1944: музыкальные театры варшавского гетто, оркестры Освенцима, кабаре Вестерборка, и главное – широкий спектр разнообразных музыкальных событий, происходивших в лагере Терезин (Терезиенштадт), созданном фашистами в целях пропаганды.
- Сочинения, написанные после Второй Мировой Войны в память о трагедии Холокоста: «Уцелевший из Варшавы» Арнольда Шенберга (1947), «Бабий Яр» Дмитрия Шостаковича (1966) и «Другие поезда» Стива Райха (1988).

Гость курса – Эдгар Краса (с букетом цветов), который провёл юность в концлагере Терезин. Профессор Л.Лейбман стоит в первом ряду, справа.

Максимально активизируя студентов, чтобы никто не сидел на занятиях пассивным слушателем, я старалась вовлекать всех в творческие задания, независимо от того, есть ли у них музыкальная подготовка. Студенты музыкального факультета участвовали в презентациях, посвящённых музыкальным произведениям серьёзных жанров. Они разучивали и исполняли классику – Мендельсона и других известных композиторов – для иллюстрации докладов о деятельности «Культурбунда». Поскольку за годы своего существования в Германии организация разрослась, и отделения её открылись в 54 городах страны, естественно, что репертуар был большой, и студенты могли из него

выбрать и сольные сочинения (в исполнении которых я иногда им аккомпанировала), и ансамбли - трио и квартеты.

Студенты других факультетов, у которых не было специальной музыкальной подготовки, разучивали и исполняли песни, звучавшие в польских и белорусских гетто, а также номера из спектаклей кабаре в лагерях Вестерборк и Терезин. Никогда не забуду студентку из Китая, которая пела песню из Лодзинского гетто на идиш. Поскольку я не знаю этого языка, мы с ней ходили к раввину Бостонского университета Джозефу Полаку за консультацией по произношению.

Весь курс участвовал в ежегодной постановке детской оперы чешского композитора Ганса Красы «Брундибар», на исполнение которой мы приглашали Майкла Грюнбаума, который ребёнком пел в хоре этой оперы в лагере Терезин. Мы познакомились с Майклом Грюнбаумом при необычных обстоятельствах. Я читала лекцию в Брандайзском университете о музыке в лагере Терезин и показывала слайд из последнего акта оперы, где все дети-участники стоят в ряд лицом к зрителям и поют заключительный хор. Во время моих комментариев к воспроизводимой на экране фотографии человек из зала встал, подошёл к экрану и, указав на одного из мальчиков, сказал: «Это я». Можете себе представить, что творилось в зале. Я не могла поверить в происходящее и чувствовала, как по коже бегает мурашки. Так началась дружба с необыкновенным человеком, Майклом Грюнбаумом, который живет в Бруклайне и которому недавно исполнилось 80.

Те, кто хотел попробовать себя в качестве актера драматического театра, участвовали в постановке пьесы «Мастеркласс» английского драматурга Дэвида Поунелла (David Pownell), где автор воспроизводит вымышленную сцену ночного разговора в кабинете Сталина, куда Жданов по его приказанию пригласил Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. Они обсуждали, какие цели и задачи должны ставить перед собой композиторы социалистической страны, в чём главный смысл создания и исполнения музыкальных произведений в эпоху социализма. А также говорили об ответственности автора за всё, что выходит из-под его пера, и о том, что случается, когда он забывает об этом. И хотя пьеса Поунелла – художественный вымысел и встречи вчетвером - Сталин, Жданов, Прокофьев и Шостакович – никогда не было, британский драматург, несомненно, знал и о событиях 1936 и 1948 гг., и о статье «Сумбур вместо музыки» в газете «Правда». Пьеса Поунелла была включена в заключительный - третий - фрагмент семестра именно тогда, когда мы проходили Симфонию Шостаковича «Бабий Яр». Мои студенты с удовольствием разыгрывали сцены из «Мастер-класса». Особенно входил в образ исполнитель роли Сталина, который практически не выпускал трубку изо рта и хотя, естественно, не курил по-настоящему, старался войти в роль в полную силу.

Исполнители ролей в пьесе «Мастеркласс» с благодарными слушателями: профессором Рафаэлем Хильером и с их профессором, Людмилой Лейбман.

Часть третья:

Тема Холокоста в программах фестивалей с 2003 года до сегодняшнего дня

Весной 2003 г. мы впервые включили музыкальные произведения периода Холокоста в программу фестиваля Проекта «Образовательный Мост». В Рахманиновском концертном зале Московской Государственной Консерватории имени П. И. Чайковского прозвучали сочинения, написанные и исполненные в концентрационном лагере Терезин. Из четырёх композиторов, объявленных в программе, три – Виктор Ульман, Ганс Краса и Павел Хаас – были убиты в газовых камерах Освенцима 18 октября 1944 г., через 48 часов после того, как они были вывезены из Терезина. Судьба четвертого – Гидеона Клейна, самого молодого из них, неизвестна, хотя существуют, по крайней мере, две различные версии его смерти. Для меня, как организатора фестиваля, было важно то, что удалось объединить музыкантов-исполнителей из Москвы и из Бостона. Несколько дней совместных репетиций - и вот музыканты вместе вышли на сцену и сотворили чудо. Эта первая программа связала мою педагогическую работу с работой по организации и проведению фестивалей «Моста».

Интересна история Терезина - лагеря, созданного, как я уже упомянула, в пропагандистских целях, главным образом, для того, чтобы заглушить просачивающиеся слухи о массовом уничтожении евреев в газовых камерах и показать миру, что евреям живётся при фашистском режиме совсем не плохо. В лагерь периодически приезжали с проверкой комиссии Красного Креста. Им методично показывали, как чисто и красиво в лагере (так называемый «проект-приукрашивание», проводимый перед очередной проверкой Красного Креста, включал в себя посадку новых цветочных клумб), как внимательно относятся к больным, какие замечательные условия работы предоставляются в различных мастерских, как дети играют в футбол, качаются на качелях и исполняют детскую оперу «Брундибар». Кстати, о футболе: в тот момент, когда члены комиссии подходили к футбольному полю, согласно указаниям «сверху», должен был забиваться гол. И меня, и моих студентов этот комментарий задевал своим откровенным цинизмом.

В тех же пропагандистских целях в Терезине начали снимать документальный фильм «Фюрер дарит евреям город» (www.youtube.com/watch?v=oWGEyxOM_Go). Просмотр этого фильма, вернее, не всего фильма, а тех отрывков, которые сохранились, – немногим более 20 минут – был включен в курс. Чтобы показать студентам, как отличалась пропаганда от реальности, я параллельно приводила сухие статистические сведения, аккуратно фиксировавшиеся в исторических документах по истории Терезиенштадта. Одним из наиболее важных документов, включенных в курс, был «Список поездов, отправлявшихся из лагеря на восток», опубликованный в книге уцелевшего узника лагеря Зденека Ледерера. Первый поезд отправился 9 января 1942 г. в Ригу и из 1000 пассажиров в живых осталось 102. Всего таких поездов из лагеря ушло шестьдесят три и, начиная с 5 октября 1942 г. (съемки фильма закончились в 1944 г.), все – без исключения – поезда отправлялись только в лагерь смерти: Треблинку, Освенцим и Берген-Бельзен. Без каких бы то ни было комментариев с моей стороны студенты видели кадры фильма, где медицинские сестры увозили в тень больного, чтобы он, не дай Бог, не получил солнечный удар, и затем видели в списке поездов очередную цифру – тысячи узников из Терезина, увозимые в лагерь смерти после съемки очередного эпизода.

В мае 2010 г. мы организовали в Санкт-Петербурге ещё одну всероссийскую премьеру. Юные актёры из Детской студии Театра «Зазеркалье» под руководством Софьи Семеновны Драпкиной приготовили к постановке чешскую детскую оперу с диалогами «Брундибар» композитора Ганса Красы и поэта Адольфа Хоффмайстера. Эта опера о том, как брат и сестра, Анишка и Пепичек, с помощью Кота, Собаки и Воробья победили злого усатого шарманщика Брундибара. По воспоминаниям выживших очевидцев, за годы

пребывания в лагере Терезиенштадтские дети исполнили «Брундибар» пятьдесят пять раз. Почти все исполнители и композитор Ганс Краса были убиты в лагерях смерти в 1944 г.

Премьера «Брундибара» в Санкт-Петербурге прошла с большим успехом, и через несколько месяцев пять юных солистов, вместе с режиссером-постановщиком С. С. Драбкиной, хормейстером и пианистом, приехали в Бостон на наш очередной фестиваль. Они участвовали в совместной постановке оперы с учениками младших классов Линкольнской школы Бруклайна. Ребята провели в Бостоне десять незабываемых дней, жили в домах у своих «соратников по сцене», вместе репетировали и отдыхали, расставаясь только на время уроков. Линкольнская премьера прошла замечательно. Молодая учительница музыки из Линкольнской школы Молли Квинлан (Molly Quinlan) провела колоссальную работу со своими учениками и замечательно подготовила их к приезду строгой С. С. Драбкиной. Бережно храню программку премьеры в Линкольнской школе, где перечислены имена юных актеров: Аня Дунаева, Александра Кашина, Алексей Жуков, Виталий Тюмейко, Лиза Лаврова – из России, Элизабет Хубнер (Elizabeth Huebner), Рафаэль Гриеко (Raphael Grieco), Аса Хамот (Asa Hamot), Риис Карю-Лионс (Reece Carew-Lyons) и Вильсон Хсу (Wilson Hsu) - из США.

Но не всё было просто с этой постановкой, которую мы готовили в течение года. Летом, за три месяца до начала фестиваля, в школу был назначен новый директор, который объявил нам, что никакого «Брундибара» не будет. Ставить оперу, история которой связана с Холокостом, по мнению нового директора, слишком травматично для детской психики. Пришлось дойти до очень высоких инстанций, чтобы доказать директору Линкольнской школы, что она неправа. Премьера состоялась. Я видела, как важно было для ребят работать вместе и достичь успеха.

Таким образом, начиная с 2009 г., мы стали ежегодно включать в российские и американские фестивали Проекта «Образовательный Мост» программы, посвященные Холокосту, в которых участвовали мои студенты из Бостонского университета. Роберт Брэй, Президент Совета директоров Проекта «Образовательный Мост», существовавшего к тому времени уже несколько лет как самостоятельная организация, предложил назвать эти программы *Концертами с историческими комментариями*. Мои студенты готовили свои мультимедийные презентации, состоявшие из видеоряда, проецируемого на экране, музыкального сопровождения и заключительной дискуссии со зрителями.

Один из первых *Конcertов с историческими комментариями*, подготовленный моей студенткой Венус Луонг в 2009 г. в Петербурге, был посвящен деятельности «Культурбунда» (*Jüdischer Kulturbund*), организации немецких евреев-музыкантов, которые оказались уволенными из оркестров и оперных театров страны в результате введения расовых политических доктрин в 30-е годы в Германии. До 1941 г. «Культурбунд» обеспечивал рабочие места и средства к существованию сотням немецких евреев в различных городах Германии. Официальная пропаганда правящей нацистской партии пользовалась этим в своих целях. Мы не только не убиваем немецких евреев – лицемерно заявляли нацисты – мы даем им возможность заниматься своим делом. Мир верил в эту пропаганду. Вернее, те, кто хотел верить, верили. Верили и введенные в заблуждение немецкие евреи, да разве можно их винить за это? Мы все знаем, как тяжёл процесс эмиграции, а уж эмигрировать из Германии в 30-е годы было совсем непросто. В 1941 г. «Культурбунд» перестал существовать, и все оставшиеся в Германии его члены были сосланы в лагерь.

Молодые петербургские музыканты из Лицея при Санкт-Петербургской Консерватории под руководством замечательного педагога Савелия Шальмана в качестве музыкальной иллюстрации воспроизвели программу, которая, согласно архивам, прозвучала 27-го апреля 1938 г. в 8 часов 30 минут вечера в концерте, организованном

«Культурбундом» в Вест-Эндской Синагоге во Франкфурте: *Рондо-Капричиозо* Сен-Санса, *Тема с Вариациями* Чайковского и Трио Аренского.

Нам также посчастливилось познакомиться и привезти в Санкт-Петербург Вашингтонского радиожурналиста Мартина Гольдшмидта, автора книги о своих родителях. Оба они были музыкантами, членами «Культурбунда», мать играла на альте, отец - на флейте. Им чудом удалось покинуть Германию за несколько недель до начала войны с Советским Союзом, когда немецкая пропаганда уже не нуждалась в таких организациях, как «Культурбунд». Программа встречи с Мартином Гольдшмидтом включала исполнение произведений, которые его отец играл на одном из своих последних выступлений в нацистской Германии. Отец Мартина Гольдшмидта, которому ко времени выступления Мартина в России было уже за девяносто, знал об этом событии от своего сына. Посмотрите на афишу, и вы убедитесь, что флейта участвует в каждом сочинении.

XVII ФЕСТИВАЛЬ ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОСТ»
(Бостон–Санкт-Петербург)

24 мая в 17.00

ПРАВДА О КУЛЬТУРБУНДЕ

Из цикла
«Концерты с историческими
комментариями»

в Зеленом зале Российского института истории искусств
(Исаакиевская пл., 5)

Лекция-концерт посвящена истории Культурбунда (1933–1941) —
уникальной концертной организации, существовавшей в нацистской Германии
и объединявшей музыкантов и актеров — евреев,
потерявших работу в оркестрах и театрах после прихода Гитлера к власти.

Лектор:
МАРТИН ГОЛЬДШМИДТ,
известный американский радиокомментатор,
пропагандист и популяризатор классической музыки,
сын участников Культурбунда

Исполнители:
солисты оркестра Государственного Эрмитажа «Санкт-Петербург Камерата»

В программе:
Джованни Платти (ок. 1697–1763). Соната для флейты и баса-континуо
Франц Данци (1763–1826). Квинтет для флейты, гобоя, кларнета и валторны
Людег Тулле (1861–1907). Секстет для флейты, гобоя, кларнета, фагота,
валторны и клавира

Информационные спонсоры:
Российский институт истории искусств
Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга

Вход свободный

23 мая 2009 г. в рамках очередного фестиваля Проекта «Образовательный Мост» на самой главной сцене России, в Большом концертном зале Московской консерватории, мы

организовали первое за пределами США исполнение хоров бостонского композитора Руфи Ломон из Оратории «Свидетельские показания». В основу Оратории положены стихи шестнадцати поэтов, детей и взрослых, на разных языках – английском, иврите, итальянском, немецком и других. Авторы стихов в период Катастрофы были узниками концлагерей Терезиенштадта, Маутхаузена и Освенцима, и их поэзия отражает трагическую действительность пережитого. Мы исполнили две части Оратории - «Барух Ад Ана» на слова древнееврейской молитвы второго века н.э. и «Хор Сирот» на стихи немецкого поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе 1966 г. Нелли Сакс, которой удалось в 1940 г. бежать из нацистской Германии в Швецию. Музыка сложная, требующая серьезной работы. Молодой дирижер Александр Соловьёв настолько высокопрофессионально подготовил своих хористов – студентов Московского Государственного Педагогического Университета, что во время репетиции, где я была переводчиком, на вопрос дирижера: «Какие у Вас замечания, на что обратить внимание?», Руфь Ломон ответила: «Замечаний нет».

Май 2009. Музыка Р. Ломон звучит на сцене Большого Зала Московской Гос. Консерватории

Через несколько лет, 3 ноября 2012 г., Александр Соловьёв, к этому времени уже доцент кафедры хорового дирижирования Московской Государственной Консерватории имени П. И. Чайковского, дирижировал хорами Руфи Ломон в концертном зале Бостонского университета с американскими музыкантами. Руфь Ломон была в зале и приветствовала исполнителей вместе с другими слушателями. А я вспоминала, как ровно десять лет назад, в 2002 г., я в первый раз пригласила Руфь Ломон выступить перед моими студентами и рассказать о замысле своего нового сочинения, которое и стало впоследствии Орацией «Свидетельские показания».

В программе того же концерта 23 мая 2009 г. в Большом Зале Московской Государственной Консерватории по инициативе Проекта «Образовательный мост» было исполнено ещё одно сочинение, о котором хотелось бы рассказать подробнее. За несколько месяцев до концерта мы выслали дирижеру Московского детского хора «Радость» Татьяне Александровне Ждановой хоровую партитуру цикла американского композитора Чарльза Давидсона *«Я никогда не увижу другой бабочки (I never saw another*

butterfly): Музыкальный мемориал детям Терезиенштадта». Композитор положил на музыку стихи детей из концлагеря Терезин. Когда хор вышел на сцену, у всех ребят в руках были ноты, кроме одного мальчика в первом ряду. Этот мальчик не мог держать ноты, он был инвалидом и сидел в инвалидном кресле. Но пел просто замечательно.

Это исполнение я никогда не забуду, как не забудет его моя студентка Саманта Гельфон, которая участвовала в майском фестивале 2009 г. с презентацией о детском и юношеском творчестве в лагере Терезин. Она рассказывала как, вопреки трагической действительности, дети-заключённые продолжали жить активной творческой жизнью: издавали журнал, писали стихи и участвовали в музыкальных концертах.

Один из незабываемых *Концертов с историческими комментариями* - о Курте Вайле - был подготовлен моим студентом Даниэлем ДеБонисом и проиллюстрирован песнями Вайля в уникальной обработке петербуржца Артура Ераносова для квинтета а'capella. Это запись концерта 14 мая 2010 г. на праздничном концерте в Эрмитажном театре (г. Санкт-Петербург), посвященном 65-летию Великой Победы: «Песню жены нацистского солдата» Курта Вайля на стихи Бертольда Брехта замечательно исполняли молодые актёры Театра «Зазеркалье» - Сауле Искакова, Кирилл Павлов, Мария Неустроева, Мария Решавская и Петр Цеханович.

Еще одна программа, подготовленная моей студенткой Дженнифер Томас о сочинении американского композитора Стива Райха «Другие поезда», была повторена на нескольких фестивалях и в России, и в Бостоне. В Санкт-Петербурге «Другие поезда» прозвучали в исполнении квартета солистов Оркестра Государственного Эрмитажа «Академия», также на сцене Эрмитажного театра¹. История этого сочинения такова: Райх родился в 1936 г. в Америке и в детские годы часто путешествовал на поездах из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, в сопровождении няни навещая родителей, которые после развода оказались в разных концах страны. Шум колёс, свистки паровоза, несмолкаемые разговоры взрослых попутчиков сливались в одно звуковое пятно, оставшееся в памяти впечатлительного ребёнка. По прошествии нескольких десятилетий этот звуковой комплекс оказался востребованным. К тому времени 50-летний Райх, приобретший известность своими талантливыми экспериментальными работами в электронной и минималистской музыке, вспоминая свое детство, подумал о том, что если бы он родился в 1936 г. у его еврейских родителей в Европе, а не в Америке, он бы ездил **в других поездах** - тех, которые увозили евреев из гетто в лагерь смерти (вспомним опять «Список поездов, отправлявшихся из лагеря на восток», опубликованный Зденеком Ледерером в 1953 г.). Так родилось сочинение, написанное для струнного квартета и электроники. Вернее, не для одного, а для четырёх струнных квартетов, один из которых играет на сцене, а остальные звучат в записи, вместе с записями голосов людей, которые были ровесниками Райха, но родились в Европе, а не в Америке, и участь которых его поэтому миновала. Музыкальным материалом для композитора стали рассказы очевидцев событий и тех, кому посчастливилось выжить.

На недавно закончившемся двадцать третьем фестивале Проекта «Образовательный Мост», который проходил в Москве и Санкт-Петербурге в мае 2013 г., мы приготовили новые программы. Моя студентка Стефани Сандбек рассказывала об истории создания оперы Виктора Ульмана «Император Атлантиды», которую композитор написал в годы Второй Мировой войны в Терезине, о музыке оперы и о трагической судьбе композитора. Опера Ульмана готовилась к постановке в лагере, но после генеральной репетиции премьеры её была отменена - командование лагеря усмотрело в императоре Атлантиды параллели с фюрером.

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=q14JmBwpzlg>

В сохранившемся чудом дневнике «Необычный пассажир», который композитор Виктор Ульман вёл в Терезине, есть запись: «Мы не сидели и плакали на реках Вавилонских». Он подчёркивал, как важно было продолжать творить даже тогда, когда надежды на спасение не было. Вот под этим знаком мы и провели наши *Концерты с историческими комментариями* 14 мая в Москве и 20-го – в Санкт-Петербурге. Судя по тому, какая тишина царила в залах, я думаю, что слушателям было интересно.